

Лола проснулась в превосходном настроении.

Сквозь щель в занавесках пробивалось яркое утреннее солнце, за окном пели птицы, день обещал быть прекрасным.

Огорчало ее только одно — почему-то не было видно ее любимца Пу И, крошечного песика древней мексиканской породы чихуахуа. Обычно Пу И спал в ее постели и утром будил хозяйку требовательным повизгиванием и попытками стащить с нее одеяло. Это превратилось в утренний ритуал, и без такой возни Лола чувствовала себя не вполне счастливой.

Лола приподнялась на локте и позвала:

— Пуишечка, детка, где ты?

Песик не отозвался, что Лолу в общем-то не удивило — очевидно, он уже проснулся и отправился на кухню, где хозяйничает сейчас Лолин компаньон Леня Маркиз. Так уж повелось, что завтраки по утрам готовит исключительно он. Лола не может рано подниматься с постели, у нее пониженное давление и вообще утренний упадок сил, Лоле просто необходимо выпить, проснувшись, большую чашку кофе и съесть что-нибудь

легкое и питательное, например один круассан. Или два. В крайнем случае один круассан и две венские булочки. Или два пончика с вареньем.

Вспомнив о булочках, Лола потянула носом воздух. Но аппетитные запахи отнюдь не спешили дразнить ее обоняние. Ниоткуда не доносились звуки Лениной кухонной деятельности, не играла музыка, не работал телевизор.

«Все ясно, — подумала Лола, — Леня с песиком ушли гулять. Значит, еще не слишком поздно и можно немножко подремать».

В их квартире жили еще два домашних любимца — огромный угольно-черный кот Аскольд и попугай Перришон. Но эти два лентяя вряд ли поднимутся, пока Леня не приготовит завтрак. Вот тогда вся троица сбежится на кухню и начнет ныть, лаять и мяукать, требуя еды. Попугай у них говорящий, так он еще не преминет отпустить пару-тройку нелестных замечаний, если завтрак задержится.

Лоле вовсе не улыбалось с утра пораньше ссориться с попугаем, и она решила подождать возвращения Маркиза.

Но внезапно что-то заставило ее сесть на кровати и внимательно оглядеться. В комнате что-то было не так. Не тот запах, не то ощущение. Собственно, оглядеться было трудновато, потому что в спальне царил полумрак. Это было странно, потому что, судя по пению птиц за окном и солнцу, заглядывающему в щель, было не слишком рано.

Лола почувствовала, как блаженная сонная истомы улетучивается из нее со скоростью света. Сердце забилося часто-часто, на лбу выступила испарина. Она с ужасом уставилась на занавески. Даже в полумраке было видно, что они темные — синие или зеленые. Лола протерла глаза, потом закрыла их и снова открыла. Что происходит? Что случилось с ее милыми сердцу занавесками? Бледно-розовые, не слишком прозрачные, но достаточно тонкой ткани, так что, когда по утрам солнце заглядывало в окна, все комната озарялась розовым светом, поэтому жизнь с самого утра представлялась Лоле в розовом цвете, и не было в ней места унынию и тяжким заботам.

Занавески были красиво прихвачены тонким розовым же шнуром, на концах завершавшимся прелестными пушистыми кисточками. Дизайнер Шурик, оформлявший Лоле спальню, считал этот шнур своей наибольшей творческой удачей. Из-за кисточек были большие трения с котом Аскольдом. Кот считал, что они существуют только для того, чтобы он мог с ними играть. В конце концов Лола вообще запретила нахальному коту входить в свою спальню, но Аскольд плевал на запреты и вообще игнорировал все меры пресечения. Однако кисточки пока держались.

Занавесок не было. То есть были, но совершенно не те. Лола попрыгала на кровати, потом ощупала ее под собой. Кажется, кровать тоже не та.

— Ой! — тоненько взвизгнула Лола. — Ой-ой-ой!

Тотчас отворилась дверь, и вошел кто-то.

— Ленька, что это за шутки! — сердито заговорила Лола, — Сегодня ведь не первое апреля!

Кто-то не отозвался. Шаркая ногами, этот *кто-то* подошел к окну и раздвинул занавески. Комнату залил яркий солнечный свет. Лола осмотрелась и пришла в еще больший ужас.

Спальня была не ее. Где шкаф с зеркалом, где испанский туалетный столик розового дерева, где кроватное покрывало цвета чуть увядшего шиповника? Лола подбирала ткань целую вечность, истоптала ноги, бегая по магазинам, и отдала за покрывало огромные деньги. Где, наконец, да пуфика, обитые той же замечательной тканью?

Ничего этого не было. Комната была гораздо больше Лолиной спальни, но набита ужасными, совершенно безвкусными вещами. Со своего места в кровати Лола видела комод. Очевидно, хозяева считали его антиквариатом, но Лола сразу определила, что он — ужасное страшилище, новодел, причем жуткая халтура, изготовленная предприимчивыми китайскими ремесленниками.

— Доброе утро, Алина Сергеевна! — раздался голос от окна.

Лола так увлеклась, разглядывая комнату, что забыла о посетителе. У окна стояла женщина лет тридцати пяти, с невыразительным круглым лицом, весьма плотного телосложения, одетая в дежурное темно-синее платье и белый накрахмаленный передник. Женщина улыбалась слащавой

неискренней улыбкой. Глаза при улыбке казались еще меньше, чем на самом деле.

— Вы кто? — оторопела Лола.

Глаза у женщины перестали улыбаться намного раньше, чем сократились мускулы лица.

— Что вы делаете в моей спальне? — продолжала Лола. — То есть что я тут делаю?

Женщина наконец справилась с улыбкой, но тут же от удивления выпучила глаза.

— Алина Сергеевна! — Она сделала шаг по направлению к кровати. — Это же я, Татьяна...

— Не приближайтесь ко мне! — закричала Лола и натянула одеяло до самого подбородка. — Что вам надо?

— Вы же сами просили вчера разбудить в девять часов... — сказала женщина, послушно остановившись в нескольких шагах от кровати, — позовьте, я принесу завтрак...

Лола кивнула, только чтобы остаться одной. Женщина удалилась, все так же шаркая тапочками без задников. Лола откинула одеяло. На ней была надета тонкая ночная сорочка, совершенно прозрачная, с безвкусными цветами на груди. Сорочка была не ее, Лола никогда бы не купила себе такую ужасную вещь. И тапочки были не розовые пушистые с помпонами, которые так любит отгрызать ненаглядный Пу И, а зеленые, с загнутыми носами, расшитые золотом. Такие тапочки подошли бы обитательнице средневекового арабского гарема, но никак не ей — современной и продвинутой женщине.

Вообще вся комната была выдержана в зеленых тонах. Темно-зеленые бархатные портьеры, обшитые витым золотым шнуром с отвратительными золотыми бомбошками. Тяжелая массивная мебель. Шкаф, кажется, дубовый. Кровать... Лола попрыгала на кровати, и в этот момент снова открылась дверь и вошла горничная с подносом.

— Пожалуйста завтракать, Алина Сергеевна! — сказала она, снова слащаво улыбнувшись, так что глаза едва не скрылись между веками.

— Почему вы называете меня Алиной Сергеевной! — всполошилась Лола. — Кто это — Алина Сергеевна?

Горничная разинула рот и едва не выронила поднос.

— Как кто? — сказала она. — Это же вы! А меня вы не узнаете?

— Да вы с ума сошли! — вскричала Лола. — Я никогда в жизни не видела ни вас, ни этой комнаты! Ни этой кровати! Ни этих тапочек!

Она схватила одну туфлю и запустила в горничную. Та сумела отстраниться, но уронила поднос. По зеленому ковру разлилась какая-то подозрительная субстанция, которую Лола после идентификации как овсяную кашу. Горничная прижала руки к щекам и выбежала из комнаты, едва не теряя на ходу туфли без задников.

«Это похищение, — подумала Лола, — меня похитили! И теперь обратятся к Лене за выкупом. Вот интересно, сколько за меня запросят денег? И сколько Ленка не пожалеет? Вообще-то он ко

мне неплохо относится... И деньги у нас есть... Думаю, он заплатит, сколько спросят!»

Казалось бы, от этой мысли Лола должна была немедленно успокоиться. Но она тут же поняла, что версия о похищении не выдерживает никакой критики.

Во-первых, жертв похищения держат в подвалах без окон, чтобы они не определили, где находятся. Во-вторых, похитители не показывают им свои лица, чтобы после их не опознали. Если только, тут же поправила себя Лола, похитители не собираются отпускать свою жертву. Но в таком случае зачем ее держать в просторной, хотя и безвкусно обставленной спальне и приносить завтрак в постель?

Лола с ненавистью поглядела на свою ночную сорочку, выпрыгнула из кровати и подбежала к шкафу. Шкаф был трехстворчатый, очень большой и оказался заперт. Некогда было удивляться по этому поводу. Лола поискала глазами какой-нибудь подходящий инструмент, пошарила наверху в надежде, что найдет ключ, наконец, сообразила поднять чайную ложечку с ковра, при этом второпях вляпавшись в кашу.

Ругаясь сквозь зубы, Лола принялась ковырять ложкой в замке. Удалось открыть только одно отделение — бельевое. Аккуратными стопками лежали трусики, бюстгалтеры и маечки. В коридоре слышались шаги, и Лола наугад схватила футболку и трикотажные шорты. Шаги остановились у двери, и Лола одним тигриным прыжком

оказалась в кровати. Она спрятала добычу под подушкой и снова натянула одеяло до подбородка.

Вошедшему мужчине можно было дать лет сорок. Был он среднего роста, скорее полный, чем худой, с хорошо просматривающимся животиком. На мужчине был вполне приличный светлый летний костюм, очки в модной оправе, которые совершенно ему не шли, в руках он держал портфель светлой кожи.

— Олег Иванович! — В дверь протиснулась давешняя горничная. — Ну сами посмотрите, что творится! Меня не узнает!

— Помолчи, Татьяна, — низким голосом сказал мужчина и шагнул к Лоле. — Ну, дорогая, что еще случилось?

— Кто вы такой? — спросила Лола, стараясь, чтобы голос ее не дрожал.

— Ну, здравствуйте! — вздохнул мужчина. — Что еще ты придумала? Детка, мне сейчас некогда, опаздываю на работу! Давай ты не будешь капризничать, встанешь, позавтракаешь, а вечером мы поговорим!

— Не смейте говорить мне «ты»! — крикнула Лола. — И объясните, чего вы добиваетесь!

Мужчина переглянулся с горничной, та развела руками — мол, говорила же вам, а вы не верили... Мужчина с досадой взглянул на часы и присел на кровать. Лола отползла как можно дальше, по-прежнему прижимая к груди край одеяла.

— Татьяна, убери все! — не поворачивая головы, сказал хозяин.

Горничная подхватила поднос, кое-как собрав на него разбитую посуду, и вышла.

— Дорогая, — нежно пророкотал мужчина, пытаясь найти под одеялом ее руку, — сейчас не время капризничать. Прошу тебя, Алиночка...

— Но я вовсе не Алина! — заорала Лола.

— А кто же ты? — вкрадчиво спросил мужчина.

— Я Ло... — Лола запнулась на полуслове.

Ведь Лола — это ее не настоящее имя, это псевдоним, или партийная кличка, как шутит ее напарник Леня Маркиз. На самом деле ее зовут Ольга Чижова, под этим именем она играла в свое время в театре, под этим именем ее знают друзья и знакомые. Но, судя по всему, человек, сидящий сейчас рядом с ней, явно желает Лоле плохого, так что вовсе незачем выбалтывать ему всю подноготную.

— Я — Люся, — брякнула Лола, — Люся Савушкина. Людмила Петровна Савушкина, если вам так будет угодно.

— Мне угодно тебя как следует отшлепать! — рявкнул мужчина, побагровев от злости. — Что, в самом деле? Нашла, понимаешь, время безобразничать! Какая еще Люся Савушкина?

«Действительно, — подумала Лола, — с чего это я ляпнула про Люсю? Откуда взялось это имя в голове?»

Она скроила самую строгую физиономию и уставилась на мужчину.

— Если вы будете удерживать меня силой... — начала она, но в это время с грохотом распахну-

лась дверь спальни и на пороге появилась весьма примечательная личность женского пола.

Впрочем, при ближайшем рассмотрении насчет пола можно было и переменить мнение, потому что женщина была худая и плоская, как доска. На вошедшей был красный спортивный костюм и кроссовки. Волосы, коротко стриженные и когда-то крашенные в каштановый цвет, давно требовали заботы и ухода, потому что там и тут беззастенчиво выглядывали седые корни. Судя по морщинам и седине, тетка была сильно немолода. На носу у нее сидели очки без оправы, которые все время падали вниз, и тогда выглядывали маленькие и злобные глазки, как у носорога.

— Ну? — грозно спросила тетка. — Что у вас тут? Татьяна сказала — опять она выкаблучивает? Идиоткой прикидывается!

— Мама! — мужчина сдвинул брови и встал с Лолиной кровати. — Ты бы все-таки выражалась повежливее!

«Ах, вот это кто, — поняла Лола, — если этот, с пузом, мой муж, то его мамаша, стало быть, моя свекровь... Можно только поздравить себя с такими, с позволения сказать, родственничками!»

— Чего мне стесняться? — загремела тетка. — Чего и кого мне стесняться в собственном доме? Давно пора назвать вещи своими именами! Говоришь, тебя не узнает? Может, она и меня не узнает?

— В первый раз в жизни вас вижу! — подтвердила Лола. — И век бы не видала!

— Все ясно! — возвестила тетка, грозно подступая к Лоле. — Снова нанюхалась до одурения!

— Мама...

— Что — мама? — Тетка вскинула голову, отчего круглые очочки свалились с носа, и злобные глазки с коровьими ресницами предстали во всей красе. — Я сорок лет тебе мама! И шесть лет наблюдаю, как ты мучаешься с этой... с этой...

— Сама такая, — невольно вырвалась у Лолы, уж очень противная была тетка.

— Вот видишь? — торжествующе спросила «свекровь». — Теперь ты видишь, как твою мать оскорбляют в ее собственном доме?

«Бред какой-то, — подумала Лола, — что я тут делаю? Препираюсь с чужой свекровью? Этак недолго и с ума спрыгнуть...»

— Послушайте, — начала она как могла твердо, — я вам совершенно официально заявляю, что я не Алина Сергеевна, не жена вам и не невестка. Я вообще ничья жена, потому что не замужем.

Мужчина досадливо вздохнул и обхватил голову руками, его мать же очень обрадовалась.

— Ну, я, как всегда, права, — удовлетворенно сказала она, водружая свои очочки на переносицу, — эта дрянь нанюхалась кокаина и окончательно спятила! Это же надо до такого дойти — не помнит, кто она есть!

— Да откуда бы она его взяла, кокаин-то? — устало сказал мужчина. — Она же месяц из дома не выходила! Или, может быть, ей на дом привозят? Тогда скажи кто?